

The Last
Romantics

Tara
Conklin

П о с л е д н и й
р о м а н т и к

Т а р а
К о н к л и н

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К64

Tara Conklin
THE LAST ROMANTICS

Copyright © 2019 by Tara Conklin Published
by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

Перевод с английского *Анны Бялко*
Художественное оформление *Яны Паламарчук*

Конклин, Тара
К64 Последний романтик / Тара Конклин ; [перевод с английского А. Бялко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с

ISBN 978-5-04-112053-5

«Последний романтик» — семейная сага нового формата. История четверых детей, которые рано лишились отца и, в некотором смысле, матери и теперь учатся справляться с вызовами современного, слишком быстро меняющегося мира.

У них разные пути и разные судьбы, но только вместе им удастся преодолеть все преграды на пути к становлению личности. Вот только не каждому дано пройти этот сложный путь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-112053-5

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается памяти Луэллы Броди Конклин
и Кеннета Джерома Конклина*

Моим сестрам

За ватою скрыт узор; все мы — я имею в виду все человечество — вплетены в него; весь мир — произведение искусства; все мы — части этого произведения. Гамлет или квартеты Бетховена являются истиной в пустой массе, которую мы зовем этим миром. Но не существует ни Бетховена, ни Шекспира; и, уж конечно, особенно не существует никакого Бога; слова — это мы; музыка — это мы, мы и есть сама сущность.

Вирджиния Вулф
«Моменты бытия»

Погоди, они же не любят тебя так, как люблю я.

«Йе Йе Йес»¹

---

¹ Yeah Yeah Yeahs — американская инди-рок-группа.

2079 год

Сначала мне показалось, что эта девушка — видение. Призрак. Она возникла откуда-то из толпы в зале и подошла к микрофону.

Я замерла. Последние полтора часа я сидела на сцене, обсуждая свои произведения. Вечер проходил вполне успешно, даже несмотря на то, что я всегда боюсь толпы. Аудитория была вежливой, интеллигентной, любознательной. Я даже сумела рассмешить их. Шуткой о лягушке, хотя, казалось бы... Мы всего раз услышали вой сирен, и то ненадолго, когда я сделала паузу во время чтения. Мы подождали, все несколько тысяч человек, сидящие в аудитории, и тысячи, смотрящие нас по спутниковым каналам. Мы подождали, сирены затихли, и я продолжила чтение поэмы.

Потом стали задавать вопросы. Столько вопросов! Это было мое первое публичное выступление за двадцать пять лет — конечно, у людей накопились вопросы, но я не была готова к их глубине, к тому, как тщательно люди читали мои произведения. Даже после восьмидесяти лет этого литературного эксперимента меня все еще поражает, что мои слова могут иметь значение для кого-то, кроме меня самой.

Мне сто два года, и я довольно известная поэтесса. Меня зовут Фиона Скиннер.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

В момент, когда девушка вышла вперед, я несколько отвлеклась. Я уже устала. Я думала, какое лакомство припас для меня Генри там, за сценой, и надеялась, что это будет мой любимый леденец с арахисовым маслом внутри. Я думала о других удовольствиях — высокая мягкая кровать в моем доме в горах, форель, плещущаяся в реке, глубокий, прохладный колодец, успокаивающий, мерный шум генератора. У нас там никогда не слышно сирен, нет, ближайший город слишком далеко. Наш дом — надежное, безопасное место, куда не доходят ни политика, ни поднимающийся уровень океана. По крайней мере, я предпочитаю думать именно так. Вполне возможно существовать в окружении определенного количества иллюзий, так глубоко веря в существование невидимых вещей — безопасности, Бога, любви, — что ты начинаешь придавать им зримую форму. Кровать, крест, муж. Но даже воплощенные, идеи все равно остаются идеями и потому очень хрупки.

Девушка у микрофона являла собой захватывающее зрелище — высокая, стройная, с темным, графично выстриженным каре до подбородка. Она выглядела лет на восемнадцать, может быть, двадцать. Так что не девушка, почти женщина.

Толпа затихла. Она кашлянула в ладонь.

— Миссис Скиннер, — начала она, — меня зовут Луна.

— Луна? — переспросила я, и у меня перехватило голос и замерло дыхание. На какой-то момент я перенеслась на много лет назад, в другое время и место. «Наконец-то, — подумала я. — Луна вернулась».

— Да. Мама назвала меня так в честь последней строки в *«Поэме Любви»*, — сказала она.

— Да, конечно, — улыбнулась я.

Генри рассказывал мне об этом, о популярности этого имени. *«Поэма Любви»* оказывала этот эффект на неко-

торых читателей. Им хотелось оставить себе ее частичку. Так что передо мной стояла одна из этих выросших малюток. Еще одна Луна.

Лицо девушки было наполовину в тени. Я заметила у нее на правой скуле родинку размером с гривенник. Родимое пятно. Темный поцелуй.

— Мама всегда хотела спросить вас про это имя, — продолжала Луна. — Она выучила последние страницы наизусть еще в школе. Когда мы с братом были маленькими, она читала их нам за едой, если нам было грустно. — Ее лицо смягчилось при этом воспоминании. — «*Поэма Любви*» так много значила для нее. И я — ради мамы — тоже хочу это узнать. Кто стал вашим вдохновением? Кем была Луна?

Зал замер. Лампы на сцене были раскалены, но меня охватило холодом, словно по моим венам тек лед. Я задрожала. На лбу, вдоль линии волос, выступили капли пота. Я всегда отказывалась публично отвечать на этот вопрос. И частным образом тоже; даже Генри не знал всей правды. Но, конечно же, я должна была быть сегодня готова к нему. Не потому ли я согласилась выступить в последний раз? Не для того ли я сейчас была здесь? Чтобы рассказать наконец эту историю.

Давние сожаления застряли в моем горле, лишив голоса. Я откашлялась.

— *Луна* — это, конечно, испанское слово, обозначающее *луну*, — сказала я. — В самой поэме скрыто много метафор, много символов, обозначающих различные вещи. Я, дорогая моя, написала ее семьдесят пять лет назад. Твоя мама, ты и все здесь, — я помахала залу рукой, — вы все знаете, что поэма теперь значит гораздо больше, чем я сама.

Луна, стоящая передо мной, расстроено покачала головой. Ей на глаза упала прядь волос, и она отбросила ее.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

— Нет. Я имела в виду настоящую женщину. Мама всегда говорила, что был кто-то, кого звали Луна.

Я выпрямила спину и услышала, как от этого движения у меня внутри хрустнули кости. Я не часто оказывалась на виду. Дома у меня были садовник, личный ассистент, домоправительница и кухарка. Я жила с Генри, вторым мужем, но именно я управляла домом и отдавала распоряжения. Кто-то может назвать меня властной, я же предпочитаю считать это уверенностью в себе. Девочка тоже была уверена в себе, я видела это в развороте ее плеч, в сжатии губ.

Как описать ту, первую, Луну? Я видела Луну Эрнандес только однажды. В ту ночь, когда ветер сорвал и бросил на дорогу три ветви, а листья кружили свой безумный хоровод. Десятилетия, целую жизнь назад. Та Луна росла и менялась в моем воображении, пока почти не исчезла из виду. Были ее глаза карими или серыми? А родинка, была она на правой или на левой скуле? Что читалось на ее лице той ночью — сожаление или просто пренебрежение?

— Я написала поэму о любви, — начала я, обращаясь к толпе. — Но тут есть некоторые ограничения. Определенные недостатки. Видите ли, сама я всегда опасалась любви. Ее обещания слишком головокружительны, причины неясны, а истоки — грязнее грязи. — Тут я услышала раздавшийся из зала смешок. — Да, грязи! — воскликнула я в направлении этого смешка. — Когда я была молодой, то пыталась препарировать любовь, разложив ее на столе под ярким светом, потыкать, рассмотреть и разобрать на составляющие. Годами я считала, что возможно выделить ее основу и ядро, а найдя этот главный элемент, возвращать его, словно розу, и получить в результате нечто прекрасное. Тогда я была романтиком. Я не понимала, что предательство невозможно предотвратить. Даже если прожить достаточно долго и правильно для того,

ТАРА КОНКЛИН

чтобы узнать любовь, все ее проявления и темные стороны, то все равно ошибешься. И разобьешь чье-то сердце. В сказках не говорится об этом. И в поэзии тоже.

Я замолчала.

— Вы не отвечаете на вопрос, — сказала Луна.

Она стояла, скрестив руки на груди и опустив голову.

— Я расскажу вам историю, — ответила я. — В наши трудные времена истории очень важны. В некотором смысле истории — это все, что есть у нас для того, чтобы понять наше будущее.

Луна отодвинулась от микрофона. Она внимательно слушала, и все слушали, слегка наклонив вперед плечи, с вниманием и любопытством.

— Однажды, давным-давно, — начала я, — жили-были отец и мать, и четверо детей, три девочки и один мальчик. Они жили все вместе в доме, таком же, как и все другие дома, в маленьком городке, таком же, как все другие городки, и до поры до времени были счастливы. — Я замолчала, и все лица в зале, все эти глаза уставились на меня. — А потом... — Я сбилась и снова замолчала. Отхлебнула воды из стакана. — А потом наступила *Пауза*. Тогда-то все и началось. Наша мама не хотела, чтобы так вышло, нет, но это история про ошибки и провалы любви, и *Пауза* была самым первым, что случилось тогда.

- ЧАСТЬ I -

БЕКСЛИ

ГЛАВА 1

Наш отец умер весной 1981 года. Эллис Эвери Скиннер, тридцать четыре года, небольшая лысина на затылке. Каждое утро он старательно прикрывал ее несколькими прядями. Мы жили в небольшом городке Бексли, Коннектикут, где у нашего отца была зубо-врачебная клиника, там он и работал. В момент, когда его сердце остановилось, он как раз натягивал пару голубых резиновых перчаток, а его утренняя пациентка, миссис Липтон, лежала перед ним на откиннутом кресле, глубоко дыша в маске со сладковатым хлороформом.

– Ох, – произнес отец, боком оседая на пол.

– Доктор Скиннер? – Миссис Липтон приподнялась в кресле. Она была сонной и вялой, но, увидев отца на полу, испугалась.

Он дернулся раз, другой, и тут миссис Липтон завизжала.

Выражение его лица, как она позднее рассказывала нашей матери, было покорным и невероятно изумленным.

Нашей матери было тридцать один год. Она никогда не работала, и ее диплом по английской литературе, полученный в Университете штата Мэн, так и лежал в комоде наверху. Темные волосы, как две гладкие занавеси, обрамляли окно ее лица. У нее были большие карие глаза

с негустыми ресницами и тонкими веками, которые придавали ее взгляду внимательное и незащитное выражение. Ее звали Антония, но все называли ее Нони, и еще задолго до моего рождения было решено, что дети тоже будут звать ее Нони.

Отца хоронили сырым мартовским днем. Президентом был Рональд Рейган, тянулась «холодная война», «Звездные войны» заставляли нас всех верить в присутствие каких-то невидимых сил. Бексли тогда был городом, где жители приветствовали друг друга по имени, встречаясь на почте или в банке, и никого не волновало, кто беден, а кто богат. Врач и фабричный рабочий приходили к отцу лечить зубной канал, а потом шли вместе пить пиво в местную таверну. По восточной окраине города вилась темная речка Пуннел, и нам было чем заняться там в летние дни. Это еще была эра, когда идея попасть в Нью-Йорк за девяносто минут казалась абсурдной, так что люди, жившие в Бексли, в основном в Бексли же и работали.

Неудивительно, что на похороны отца пришли почти все жители города. Мне казалось, их были сотни. Тысячи. Нони провела нас сквозь этот жуткий день, железной хваткой сжимая две из наших восьми ладоней. Время от времени она их меняла, никого не выделяя. У нее было четверо детей, и всем нам нужно было чувствовать тепло ее руки.

Рене, старшей из нас, было одиннадцать. Длинные, тонкие ноги, каштановые волосы, заплетенные в спадающую по спине косичку. Даже в детстве Рене источала уверенность и сдержанность, и на похоронах она была верна себе. Она не плакала и никому не причиняла беспокойства, даже когда у нее порвались колготки. Она помогала Нони со всеми нами, младшими, и старалась не смотреть на гроб.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

После Рене шла Кэролайн, которой было восемь, а затем Джо, которому было семь. Кэролайн была самой хорошенькой, с розовыми щеками и светлыми волосами, которые летом выгорали добела. Джо был единственным мальчиком, с длинными руками, большими ногами и упрямо торчащей справа челкой, которую он постоянно откидывал от лица. Джо и Кэролайн оба были смуглыми, с гладкой ровной кожей и быстрыми, широкими улыбками. Их так часто принимали за близнецов, что иногда они и сами забывали, что между ними был год разницы.

Ну а самой младшей была я, Фиона. В день похорон отца мне было четыре года и восемь месяцев. Я была пухлым ребенком с пухлыми коленками и непослушными рыжими кудрями, которые вились и пламенели вокруг моего веснушчатого лица. Моя внешность настолько ярко контрастировала с моими изящными золотистыми сестрами и братом, что соседи поднимали брови. Перед глазами до сих пор проносятся все эти качания головой, тени сомнительных сплетен. Добро пожаловать в Бексли, штат Коннектикут. Новоанглийский рабочий класс в своей крахмальной пуританской этике. Их ногти могли быть грязными, но души были чисты. После смерти отца все слухи немедленно прекратились. Вдовство вычеркнуло все домыслы о неверности. В своем горе Нони стала безупречной, неприкасаемой.

Я почти не помню отца живым, но день его похорон я запомнила в мельчайших деталях. На кладбище над гробом летала стая ворон. Наш священник, отец Джонс, говорил речь с интонациями, которые взлетали и падали, словно штормовые волны; я не могла понять ни слова. Земля была оттаявшей и мягкой, но кучки снега еще лежали под деревьями и с тенистой стороны мраморного